

– ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ –

УДК 821.512.157-1Кулаковский.09

[https:// doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-54-64](https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-54-64)

Оригинальная научная статья

Гастрономические образы в поэтической картине мира А. Е. Кулаковского

С. В. Иванова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию гастрономического кода как системообразующего элемента поэтической картины мира в творчестве основоположника якутской письменной литературы А. Е. Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого изучения национального своеобразия якутской литературы и механизмов воплощения этнокультурной идентичности через поэтический текст. Постановка проблемы связана с тем, что гастрономические образы в поэзии Кулаковского ранее рассматривались преимущественно как этнографический фон, а не как активный поэтический и структурный компонент. Цель работы – выявить жанрово-стилистические и образные функции гастрономического кода, его роль в создании художественной целостности, национального колорита и аксиологической системы произведений. Для ее достижения решались следующие задачи: анализ образности в контексте поэтики и стиля; определение связи гастрономического кода с жанровой спецификой; исследование его роли в формировании хронотопа и ценностных оппозиций; оценка значимости архаичной пищевой лексики как лингвокультурного архива. Методы исследования включают историко-литературный, структурно-поэтический, стилистический анализ и этнопоэтический подход в рамках теории художественного мира (Д. С. Лихачёв) и хронотопа (М. М. Бахтин). Результаты показали, что гастрономический код выступает у Кулаковского фундаментальным принципом организации художественного мира, выполняющим полифункциональную роль: от маркирования национальной идентичности и создания чувственной образности до формирования жанровых моделей (обряд, сатира) и сакральной коммуникации. В сатирических произведениях тот же код служит инструментом социальной критики и психологической характеристики. Перспективы исследования связаны с применением разработанного подхода к анализу других произведений национальных литератур, а также с дальнейшей лингвокультурной реконструкцией утрачиваемого пласта традиционной лексики для адекватного прочтения классических текстов.

Ключевые слова: А. Е. Кулаковский, якутская поэзия, поэтика, гастрономический код, картина мира, хронотоп, этнопоэтика, сатира, традиционная культура

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Иванова С. В. Гастрономические образы в поэтической картине мира А.Е. Кулаковского. *Вопросы национальных литератур. Issues of national literature*. 2025. № 4 (20). С. 54–64. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-54-64>

Original article

Gastronomic Images in the Poetic Worldview of A. E. Kulakovsky

Sargylana V. Ivanova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ svl.ivanova@s-vfu.ru

Abstract

The article examines the gastronomic code as a system-forming element of the poetic worldview in the works of A. E. Kulakovsky – Eksekyleekh Eleksei, the founder of Yakut written literature. The relevance of the study stems from the need for a deeper understanding of the national distinctiveness of Yakut literature and the mechanisms of embodying ethnocultural identity through poetic text. The research problem is that gastronomic images in Kulakovsky's poetry have previously been viewed primarily as ethnographic background rather than as an active poetic and structural component. The aim of the study is to identify the genre-stylistic and figurative functions of the gastronomic code, its role in creating artistic integrity, national flavor, and the axiological system of the works. To achieve this, the following tasks were set: analyzing gastronomic imagery in the context of poetics and style; determining the connection between the gastronomic code and genre specificity; examining its role in shaping the chronotope and value oppositions; assessing the significance of archaic food-related vocabulary as a linguistic-cultural archive. The methods employed include historical-literary, structural-poetic, and stylistic analysis, as well as an ethnopoetic approach within the framework of the theory of the artistic world (D.S. Likhachev) and chronotope (M. M. Bakhtin). The results demonstrate that the gastronomic code in Kulakovsky's works serves as a fundamental principle for organizing the artistic world, fulfilling a polyfunctional role: from marking national identity and creating sensory imagery to shaping genre models (ritual, satire) and facilitating sacred communication. In satirical works, the same code acts as a tool for social criticism and psychological characterization. Research prospects are associated with the application of the developed approach to the analysis of other works of national literatures, as well as with further linguistic-cultural reconstruction of the fading layer of traditional vocabulary for an adequate interpretation of classical texts.

Keywords: A.E. Kulakovsky, Yakut poetry, poetics, gastronomic code, worldview, chronotope, ethnopoetics, satire, traditional culture

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Ivanova S. V. Gastronomic Images in the Poetic Worldview of A. E. Kulakovsky. *Issues of national literature*. 2025, No. 4 (20). Pp. 54–64. <https://doi.org/10.25587/2782-6635-2025-4-54-64>

Введение

Настоящее исследование опирается на комплекс литературоведческих подходов, позволяющих рассмотреть гастрономический код в поэзии А. Е. Кулаковского как элемент целостной художественной системы. Теоретической основой выступает концепция «художественного мира», то есть внутреннего мира произведения, разработанная Д. С. Лихачевым. В соответствии с ней поэтический текст понимается как особая модель действительности, обладающая собственными законами пространства, времени, ценностной иерархии и системой образов: «Художественный мир произведения объединяет идейную сторону произведения

с характером его сюжета, фабулы, интриги. Он имеет непосредственное отношение к стилю произведения. Но самое главное: художественный мир словесного произведения обладает, внутренним единством, определяемым стилем автора, стилем литературного направления или «стилем эпохи» [1, с. 74-87]. В этом контексте гастрономические реалии рассматриваются нами не как статичные детали быта, а как динамичные компоненты, участвующие в конструировании художественного мира автора, определяющие ее эмоциональный строй и этические координаты.

Для анализа этого художественного мира мы используем понятие «хронотоп» (единство времени и пространства в произведении), введенное М. М. Бахтиным, который определял его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 121]. По мысли теоретика, «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [2, с. 122].

Мы исходим из того, что традиционные способы добычи, заготовки и потребления пищи моделируют в тексте специфическое единство времени и пространства – «гастрономический хронотоп». Этот хронотоп воплощает циклическое, природное время, привязанное к конкретному локусу, и противопоставляется в сатирических произведениях линейному, алчному времени потребительства.

Кроме того, работа опирается на установки культурно-исторической школы, акцентирующей неразрывную связь литературы с культурным контекстом, этническим менталитетом и исторической эпохой. Это позволяет интерпретировать гастрономические образы А. Кулаковского как концентрированное выражение «духа эпохи» переходного периода, фиксацию уклада традиционного общества на пороге масштабных социокультурных трансформаций.

Как отмечает В. А. Ермолаев, гастрономический код представляет собой «систему знаков, которая усваивается индивидом и используется в течение жизни, корректируясь согласно обстоятельствам, возникающим у человека» [3, с. 98]. Этот код выступает важным фактором межкультурной коммуникации, поскольку через пищевые практики транслируются этнокультурные ценности, ритуалы и поведенческие модели. Данный подход позволяет рассматривать гастрономические образы у Кулаковского не только как элемент поэтики, но и как культурный медиатор, обеспечивающий диалог между традиционным якутским миром и внешним культурным контекстом.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что гастрономический код в поэзии А. Е. Кулаковского является не фоновым или декоративным элементом, а одним из системообразующих принципов его поэтики. Он непосредственно влияет на жанровое решение текстов, определяя тональность (лирическую, эпическую, сатирическую) и формируя устойчивые жанровые модели (обряд, праздник, обличение); образную структуру, выступая источником ключевых символов (кумыс, рыба, скромная похлебка) и формируя тропы и мотивы; ценностную картину мира, устанавливая этические и эстетические оппозиции (природное/искусственное, достаточное/избыточное, сакральное/профанное).

Таким образом, мы предполагаем, что детальный анализ этого кода открывает путь к глубинному прочтению художественной философии А. Кулаковского и пониманию механизмов воплощения национального миропереживания в слове.

Творчество Алексея Елисеевича Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй, основоположника якутской письменной литературы, представляет собой уникальный синтез фольклорной традиции и индивидуального авторского начала. Его поэзия не только целостный художественный мир, обладающий внутренней

логикой и образной системой, но и служит этнографическим источником, насыщенным конкретными деталями материальной культуры. Центральное место в этой системе занимают образы традиционной пищи, которые выходят за рамки бытописания, приобретая статус устойчивых поэтических мотивов и символов.

В современном литературоведении актуализируется интерес к «культурным кодам» художественного текста, среди которых «гастрономический код» является одним из наиболее информативных, поскольку непосредственно связан с повседневными практиками, обрядовой жизнью и мировоззренческими основами этноса. В поэзии А. Е. Кулаковского этот код выполняет структурообразующую функцию, выступая в качестве: 1) маркера национальной идентичности и культурной памяти; 2) средства создания чувственной образности; 3) элемента, формирующего ценностную иерархию художественного мира.

Цель работы – осуществить комплексный литературоведческий анализ функционирования гастрономических образов (кода) в поэзии А.Е. Кулаковского и выявить их жанрово-стилистические и образные функции, роль в создании художественной целостности, национального колорита и системы смыслов его произведений. Материалом исследования послужило поэтическое наследие А. Е. Кулаковского, в первую очередь I том собрания произведений «Ырыа-хоһоон» [4]. Методология включает историко-литературный анализ; структурно-поэтический анализ; стилистический анализ и этнопоэтический подход.

Гастрономическая образность как элемент поэтики и стиля

В поэзии А. Е. Кулаковского гастрономические образы далеки от бытописания, они становятся активными элементами поэтической системы, функционирующими на стыке звукописи, ритуала и мифопоэтической картины мира. Их анализ позволяет выявить ключевые принципы авторского стиля и глубинные связи текста с традиционной культурой саха. Например, в произведении «Бүлүүлүү үнкүү» («Вилуйский танец») процесс приготовления кумыса описывается так: *Сизэл кытыт далаба / Сизэлэн-хааман киирэн / Симиэлэх уутун испитэ / Синьнигэр киирбитин / Сэргэх сигиль эдьийгэ / Сингэри тартаран ылан / Симиир-симиир мунунан / Сибиин кымыс онгортон / Силиибитин сөрүүкэтэн / Сизэрбитин ситэриэбин. / Саалыр кытыт далаба / Сайа сүүрэн киирэн / Сайынны ууну испитэ / Самыытыгар тахсыбытын / Сайабыс налыгыр санаска / Сайа таттаран ылан / Саар ыабыс мунунан / Саамал кымыс онгортон / Санаабытын тарбатан / Сассыардаанга диэри / Саатыабын эрэ / Сайабыс-сайдам санаастаар* [4. с. 139]. В переводе В. Солоухина: *'Жаждающие кровеносные / Сосуды свои / Напоив чудодейственным кумысом, / Который в широких / Кожаных бурдюках / Умело заквасили / Величавые наши тети / Из надоенного молока / От молодой трехлетки, / Сивой кобылицы; / Она превратила / В своем прекрасном теле / Выпитую ею воду / Из чистого пруда / В целебное молоко. / Давайте / Исполним обычай / Наших предков – / Насытим / Наш алчущий костный мозг, / Приятно охладив / Тем густым кумысом, / Который в необъятных / Кожаных жбанах / Искусно приготовили / Пригожие наши / Снохи-невестки / Давайте теперь / Развлечемся всласть - / Кипящую кровь / Сладостно остудив / Тем свежим кумысом, / Который в просторных / Деревянных чанах / Мастерски заготовили / Добрые наши / Ласковые бабушки / Из выдоенного молока / От молодой пятилетки, / Белой кобылицы, / Она превратила / В своем круглом вымени / В целительное молоко / Выпитый ею поток / Из журчащего ручейка'* [5, с. 49-50].

Описание приготовления кумыса строится как цепочка взаимосвязанных процессов, кульминацией которой становится образ грандиозного труда: *Симиир-симиир мунунан / Сибиин кымыс онгортон...* (дословный перевод: *'Наполняя*

огромный мех до краёв, / Кумыс насыщающий, приготовив...'). Здесь повтор основы слова «*симиир-симиир*» выполняет двойную функцию. С одной стороны, он как бы создает звукоподражательный эффект, имитируя плеск и движение. С другой стороны, семантически усиливает значение, передавая идею полноты, изобилия и большого объема. Эта формула указывает на результат процесса – приготовление значительного, ритуально достаточного количества сакрального напитка.

В этом отрывке гастрономический код («кумыс») неразрывно связан с кодом природным («уу» – 'вода', «биэ» – 'кобылица') и ритуальным («сизэр» – 'обычай, традиции'). Каждое звено в этой цепи – от озера до развлечений (танца осуокай) – зафиксировано в языке и образует цельную поэтическую модель мироздания. Эпитеты, сопровождающие гастрономические образы («*сибиин кумыс*» – 'насыщающий кумыс', «*саамал кумыс*» – 'крепкий кумыс'), несут оценочную и аксиологическую нагрузку. Они характеризуют не просто вкус еды, но и подчеркивают ее связь с благополучием, здоровьем и жизненной силой.

Этот принцип достигает кульминации в произведении «Сайын кэлиитэ», где разворачивается динамичная картина изобилия: *Сири иһиттэртэн / Сибиин кумыһы / Сизэлээх удьаанан / Уһаа аайы куттулар, / Көйөргө кумыһы / Көбүөр-көбүөр аайы / Куугунэччи куттулар, / Чороон-чорохой аайы толордулар, / Мааччах аайы баабыннаттылар; / Арангалабыт анды сымыытын курдук / Арабас арынан / Арылыччы арылаатылар* [4, с. 348–349]. Перевод этого отрывка В. Солоухиным такой: 'Рядом с ними – стоймя мешок, / Он, большой, похож на ушат, / В нем бушует уже кумыс; / Деревянная втулка в нем, / Чтоб помешивать белый кумыс, / И при нем деревянный ковш, / Чтобы взбалтывать пьяный кумыс. / Белое масло / Из молока старой коровы льем, / В огромные – до краев. / Из кожаных ушатов / Прохладный кумыс черпаком, / Украшенным султаном из конских грив, / Наливаем в каждый кубок-чорон; / Крепкий кумыс / Узорным ковшом / В каждый налили туесок, / Свежий, густой, / Пенящийся кумыс / В каждой берестяной бокал / Налили до краев. / В каждом чороне ходит кумыс, / В каждой чаше пенится он' [5, с. 287–288].

Здесь удвоенные основы «*көбүөр-көбүөр*», «*чороон-чорохой*» и аллитерация на согласные «с», «к», и гласный «а» не просто украшают текст, а воссоздают картину ритуальной щедрости: мощный поток напитка, неиссякаемость угощения, материальное воплощение благополучия. Пища в поэтике Кулаковского предстает как звучащий процесс, что передается звукоподражательными глаголами *куугунэччи, баабыннаттылар*, и зримый символ жизненной полноты – использование большого количества утвари: *удьаа, уһаа, сири иһиттэр, чороон-чорохой, мааччах, көбүөр*, обилие кумыса, что передается удвоенными и парными словами (*көбүөр-көбүөр, чороон-чорохой*) и социального согласия (всех угощают кумысом).

Мифологическое представление якутов об огне как о живом существе, их особое почитание и преклонение находят глубокое воплощение в поэме А. Е. Кулаковского «Сайын кэлиитэ» («Наступление лета»), созданной по мотивам народных песен. Как отмечает П. В. Сивцева, композиция произведения сознательно выстроена по канонам обрядовой поэзии, где автор, «опираясь на фольклорную форму, раскрывает поэтическую идею... в духе народного мировосприятия», но при этом «убедительно организует стих произведения в литературную форму» [6, с. 187]. Эта фольклорно-литературная природа текста служит основой для моделирования целостного сакрального действия, центральное место в котором занимает гастрономический код.

Поэт фиксирует не просто обрядовые действия, но и их глубокую семантику, где пища выступает главным связующим звеном в диалоге между мирами: *Туойар ырыаһыт / Тохтуу түһэн / Тууспан уотугар / Тохтуу-тохтуу / Тонхольдүүтан / Тобон бизэрдэ үстэ* [4, с. 356]. – 'Старик-заклинатель / Смолк и из большого чорона

/ С краткими промежутками / На разгорающийся костер / Три раза кумысом плеснул' [5, с. 299]. В этом отрывке звукопись и ритмические повторы *тохтуу-тохтуу* (останавливаясь), *тонхольдютан* (склоняя) передают прерывистые, почтительные движения, а троекратность действия *үстэ* (трижды) вводит мифологическое, циклическое время обряда.

Далее здесь идет описание как первым угощают кумысом шамана-алгысчыта: *Айыы аймабар айах тунпунт / Арыылаах кымыс тобобун / Аан маннай Ааттаах кырдыаҕаска / Аҕалан баран / «Аар тойон аҕабыат! / Айах үрдүн охтор! – диэн / Ааттаһан туран аһаттылар»* [4, с. 353-354]. – 'Как только мы подкрепили / Кумысом богов / И прочих духов родных, / Перво-наперво поднесли / Пенящийся напиток / Почтенному старцу-певцу, / Обратясь с уважением к нему: / "О многотимый отец, / Окажи великую честь, / Осуши священный чорон!" [5, с. 301]. Действо "айах үрдүн охторуу" – первым пить кумыс считалось великой почестью, что подчёркивает социально-ритуальную значимость акта.

Кульминацией этого ритуала становится обряд возлияния высшим божествам – айыы, описанный с детализацией ритуальной утвари, где каждый предмет наделен символическим смыслом: *Үрдүк айыыларга / Үнгэн бунпунт кэннэ / Үүт-маҕан сиэллээх, / Үс сиринэн баһардаах / Үүттэтэлээн ойуулаах / Үрүҥ айыы эбир хамыйабынан / Үрүҥ толобу / Үтүө түһүлгэни төгүрүччү / Үрүҥ күн ыһыаҕа диэн / Үстэ ыстылар...* [4, с. 360]. – 'Восхвалив, ублажив / Высших божеств, / Зачерпнули кумысный хмель / С тремя выемками ковшом, / С украшением резным / И султаном из белых конских волос, / И побрызгали троекратно / Вокруг мест, где потехам быть / В честь наступления лета, / Во имя солнечного торжества...' [5, с. 301].

В этом описании ритуальный предмет *үрүҥ айыы эбир хамыйаҕа* – 'черпак для божеств-айыы' с символической атрибутикой *үүт-маҕан сиэллээх* – 'обязанной молочно-белым конским волосом', *үс сиринэн баһардаах* – 'с тремя выемками' выступает как сакральный инструмент, а сам акт приравнивается к космогоническому «празднеству белого солнца» (*үрүҥ күн ыһыаҕа*).

Таким образом, через детализацию пищевых практик и ритуальной утвари Кулаковский показывает, что гастрономический код был неотъемлемой частью религиозного культа, языком сакрального диалога. В его поэтической системе пища моделирует и организует всё пространство ритуала – от телесного жеста до связи с высшими силами, превращаясь в основу целостной художественной модели традиционного мироздания.

Жанровая специфика и гастрономический код

Функционирование пищевых образов напрямую связано с жанром произведения. В обрядовой и лирической поэзии (например, в благопожеланиях, воспеваниях) перечисление яств (*кымыс, арыы, саламаат*) становится формулой идеализации, символом гармонии между человеком, родом и природой. Это часть идеализированной, эпически упорядоченной картины мира.

В поэме «Сайын кэлиитэ» описывается благопожелание шамана: *Ытык кырдыаҕаһы буланнар, ... / Тоһуор көбүөрү / Тонхоччу баттаан / Тойон айахха / Толору кымыһы / Томточчу арыылаан / Туттаран бизэрэн баран ...* [4, с. 344-345]. – 'Нашедши почтенного старца, / Большой кожаный мех-тосуор / Наклоняют / И в тойон-чорон / До самых краёв кумыс наливают, / Сдоблив его маслом, / В руки ему подают'... [5, с. 301]. Этот отрывок – образец ритуального хронотопа. Действие разворачивается как церемония: поиск и признание («нашедши почтенного старца»), извлечение сакрального напитка из главного сосуда («из большого меха-тосуор») в особую посуду («тойон чорон»), добавив ценный продукт («сдоблив маслом») и церемония вручения («подают»). Звукопись в оригинале (обилие

звуков «т», «р», «о», «у») имитирует размеренные, величаво плавные, торжественные движения обряда.

В сатирических и обличительных произведениях, например в «Итирик бурсуй ырыата» («Бахвальство пьяного богача»), гастрономические образы приобретают иную тональность. Чрезмерное, алчное потребление дорогих и редких продуктов (*эт – мясо, хатыыс – осётр, хаһа – брюшной жир*) служит средством разоблачения и характеристики отрицательного персонажа: *Омуртах аайы толоро турун, / Истэх аайы эбэн иһин, / Абыйаатабын аайы абалан иһин! / Хаһата харса суох аньһын, / Хатыыста харса суох кыһын, / Утахта тохтоло суох булун! / Оксиэ, дуо оҕолоор! / Халын хаһанан харчы кэбиһэр, / Суон саалынан / Мохсуо кэбиһэр, / Айгыбуйгу, / Аан чалбаран диэн / Бу аата буолбат дуо!? / Кута олор, уол! – 'На глоток убавится – добавляйте, / На два убавится – наполняйте! / На три убавится – через край переливайте! / Дайте мяса, побольше жиру, / Строганину крошите живо, / Лошадиное режьте сало. / А вино чтоб не иссякало! (...) / Вот что значит: / "Сало за сало заходит". / Вот что значит: / "Сыр в масле катается" / Лей смелей!'* [5, с. 184].

Еда здесь становится маркером социального неравенства, жадности и морального упадка, контрастируя с традиционной этикой умеренности и уважения к пище. Как показывают исследования, гастрономический код часто служит инструментом социальной и этнокультурной маркировки [3]. В сатире Кулаковского этот механизм используется для создания контраста между традиционной этикой умеренности и чуждым, разрушительным потребительством, что подчеркивает культурную границу между «своим» (гармоничным, традиционным миром) и «чужим» (алчным, дисгармоничным).

Одной из ключевых черт сатиры А. Е. Кулаковского, как отмечает П. В. Сивцева, является «детальное красочное описание... без конкретных выводов и заключений», где «авторская гражданская идея... выступает антитезой созданных образов» [7].

Этот метод реалистического «портретирования» в полной мере проявляется в стихотворении «Кэччэгэй баай» («Богатый скупец»), где гастрономическая лексика служит основным материалом для создания разоблачительного образа. Здесь гастрономическая лексика выполняет не только функцию этнографической фиксации, но и становится мощным инструментом художественной характеристики и социальной сатиры. Обширный перечень простых, а зачастую и скудных яств создает не образ изобилия, а парадоксальный портрет богача, чье богатство заключается в патологической бережливости и довольствовании самым малым: *Абарааны аһылыктаммыт, / Барчанан мааныламмыт, / Сыманы сымсайбыт... – 'Кашицу из мелкой рыбешки ест, / Вяленой рыбкой лакомится, / Соленую рыбу из земли [сыма] доедает...'*

Этот нарочито длинный, почти исчерпывающий список выполняет несколько ключевых художественных функций: *Абарааны аһылыктаммыт / Барчанан мааныламмыт, / Сыманы сымсайбыт, / Саккааба салбаммыт. / Хохтуга хоһулайбыт, / Собулбаа суудайбыт, / Харины хабылаабыт, / Чанкычабы дьаабылаабыт, / Туяхха туһурбут, / Көлбөбүнэн көппөйбүт, / Үүтүнэн үлсэммит, / тары таптаабыт, / Ымдааны ыймахтаабыт / Сингэни испит, / Таһаараары үөрэни таптаабыт, / Көбөлөг үөрэбэ көбүйбүт, / Оттоох үөрэбэ умсугуйбут, / Бэстээх үөрэбэ мэгийбит, / Бутугаһы бурулаппыт, / ытыйан аска ылларбыт, / Отон аһы ордорбут, / Сугун аска суудайбыт, / Дьордьомо аска дьулуспут, / Үтүө аһа үрүмэ, / Кэриэс аһа кэһиэх, / Ийэ аһа издьэгэй* [4, с. 149-150]. – *'Кашицу из мелкой рыбешки ест, / Сушеную костлявую рыбешку ест, / Мясо от тощей коровы ест, / Мясо от павшей коровы ест, / Коровьи жиры с удовольствием ест, / коровьи кишки варит и ест, / Копыта с большим удовольствием ест, / прокисшее молоко охотно пьет, / Снятое молоко, наслаждаясь пьет, / Молоко, водой разбавляя, пьет, / Воду,*

*молоком подбеляя, пьет. / Мучную болтушку очень охотно хлебает, /Кашу жи-
денькую ежедневно хлебает, /Объедки, остатки с удовольствием доедает'* [5, с. 65-66].

Поэт использует прием нагромождения не для восхваления, а для снижения. Герой характеризуется через то, чем он довольствуется: это не дорогие яства, а пища бедняков, отходы или продукты «на грани» съедобности (*өлүк – падаль, собулба – тощее мясо*). Тем самым создается гротескный образ «богатого бедняка», где внешнее социальное положение конфликтует с внутренней сущностью, выраженной через гастрономический код.

Если в традиционной картине мира, которую в других произведениях воспевают А. Кулаковский, пища связана с достатком, здоровьем и гармонией, то здесь этот код инвертируется. Детализация видов скромной пищи (*бутугас, үөрэ, ымдаан*) и наслаждение ими не являются добродетелью, а становятся признаком духовной скудости, жадности и извращенного отношения к миру. Скупец не ценит дары природы, а видит в них лишь способ экономии.

Пищевые практики скупца, как и положительного героя, «привязаны» к пространству и времени, но эта связь носит ущербный, нециклический характер. Пространство в его мире сужено до кладовой и закромов, где все копится, но не делится. Способы заготовки (*сыма, саккаа*) теряют свой смысл сезонного сохранения изобилия и становятся символом бессмысленного накопления. Время для героя не циклично и не сакрально. Он ест *өлүк* (весеннюю падаль), нарушая нормы и табу, демонстрируя пренебрежение к естественному порядку вещей. Его время – это линейное время накопительства, лишённое праздников и щедрых трапез.

Монотонное, нагнетаемое перечисление глагольных форм (*аһылыктаамыт, маанылаамыт, сымсайбыт, салбаамыт, хоһулайбыт, суудайбыт* и др.) и глаголов в форме многократного вида (*хабыалаабыт, ыймахтаабыт* и др.) создает ритмическое ощущение однообразия, скупости героя и замкнутого круга его существования.

Как отмечает П. А. Слепцов, обращение Кулаковского к устаревшей лексике было закономерным и «вытекало из сюжетно-тематической ориентации многих его произведений, основанных на народной мифологии, верованиях или отображающих такие реалии дореволюционной действительности, которые в сравнительно быстро меняющихся условиях жизни выходили из повседневного употребления» [8, с. 103-104]. Эта особенность ярко проявляется в сатирическом стихотворении «Кэччэгэй баай» («Богатый скупец»). П. А. Слепцов указывает, что, по справедливому замечанию Г. С. Сыромятникова, для реалистичного изображения «закоснелого в беспросветном невежестве скупого бая» Кулаковский сознательно насыщает текст архаизмами, вынужденно поясняя в нем «свыше тридцати названий старинных блюд и предметов одежды, вышедших из употребления, но сохранившихся в обиходе этого допотопного существа» [9, с. 71]. Таким образом, сам поэт рассматривал архаизмы как источник «неповторимой красоты и щедрости» якутского языка [10, с. 380, 385], а в сатире использовал их как инструмент характеристики.

Таким образом, в данном стихотворении гастрономическая лексика выступает как система координат, позволяющая измерить степень отклонения персонажа от культурной нормы. А. Е. Кулаковский мастерски использует одну и ту же лексику – детализированные номинации традиционной пищи – для создания двух противоположных моделей мира: целостного, гармоничного (в обрядовой и лирической поэзии) и ущербного, дисгармоничного (в сатире). Это показывает, что пищевые образы являются в его поэтике универсальным и гибким инструментом для конструирования художественной реальности и выражения авторской оценки.

Утрата понимания гастрономических архаизмов лишает доступа не только к позитивным культурным смыслам, но и к механизмам социальной сатиры Кулаковского. Острота стихотворения «Кэччэгэй баай» целиком зависит от знания коннотаций каждого устаревшего кулинарного термина. Исчезновение этих слов из активного языка размывает контраст, на котором строится произведение, делая его восприятие поверхностным.

Литературно-исторический контекст: между фольклором и авторством

Гастрономический код А. Е. Кулаковского глубоко укоренен в фольклорной традиции, где детальные описания праздника, например, ысыах, также являются обязательным элементом. Однако поэт трансформирует эту традицию, вплетая ее в индивидуальное художественное целое. Его тексты становятся тем самым «лингвокультурным архивом», где архаичная лексика обретает вторую жизнь уже не в бытовой речи, а в пространстве поэтического слова, обеспечивая связь времен и культурную преемственность на уровне художественного сознания.

В лирике и обрядовой поэзии гастрономические образы, сохраняя связь с архетипом изобилия, приобретают личностное, чувственное измерение. Звукопись приготовления кумыса – это не условная формула, а миметический прием, рождающий почти физическое ощущение вкуса, запаха, звука.

В сатире («Кэччэгэй баай») фольклорный «каталог пищи» подвергается инверсии и гротеску. Тот же самый принцип детального перечисления используется не для восхваления, а для разоблачения, превращаясь в инструмент социально-психологической характеристики.

Осознавая себя основоположником письменной традиции, Кулаковский решал двоякую задачу. С одной стороны, его поэзия стала актом спасения ускользающего пласта лексики, «архивом» для будущих поколений. С другой – архаичная лексика, в том числе, превращалась в метафоры, символы и стилистические фигуры, обретая статус художественного тропа. В этом плане «мифологическое начало, связанное с культурой и верованием» в поэзии классика «выступает универсальным ориентиром художественной формы, подтверждающей единство изображенного времени и пространства» [11, с. 165-166].

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что гастрономический код выступает одним из системообразующих элементов поэтики А. Е. Кулаковского, выполняя функцию активного художественного инструмента, а не статичного этнографического фона. Этот код обеспечивает внутреннее единство творческого мира писателя, синтезируя конкретику материальной культуры, философию традиционного мировоззрения и индивидуальные приемы авторского стиля.

Через детализированные номинации пищи А. Е. Кулаковский выстраивает плотную, чувственно-осязаемую модель мироздания, где гастрономические образы организуют художественное пространство и время. Эти образы формируют уникальный «гастрономический хронотоп», в котором природно-бытовой цикл неотделим от сакрального измерения жизни.

В зависимости от жанра произведения Кулаковский использует гастрономическую лексику по-разному. В обрядовой и лирической поэзии она создает формулы изобилия и гармонии, становясь языком восхваления и благопожелания. В сатире (как в «Кэччэгэй баай» или «Итирик бурсуй ырыата») тот же самый лексический пласт подвергается инверсии и гротеску, превращаясь в инструмент социальной критики и психологической характеристики. Стилистическое воплощение кода реализуется через миметическую звукопись («*симиир-симиир*», «*көбүөр-көбүөр*»), аллитерации и символически насыщенные эпитеты («*сибиин кымыс*», «*саамал кымыс*»).

В произведениях А. Кулаковского пища предстает как концентрированный культурный концепт, воплощающий ключевые ценности традиционного общества: уважение к труду, этику умеренности, идею социального согласия. На высшем уровне этот код интегрируется в ритуально-мифологическую систему, где кумыс становится сакральным посредником в диалоге с духами айыы, огнем и предками, а его приготовление и подношение описываются как космогоническое действо.

Таким образом, поэзия А. Е. Кулаковского выполняет двойную функцию: она служит лингвокультурным архивом, сохраняющим ускользающий пласт традиционной лексики и практик, и одновременно является сферой художественной трансформации фольклорных формул, их перевода в индивидуально-авторскую образность.

Утрата понимания гастрономических архаизмов ведет к смысловому обеднению текстов Кулаковского, поскольку исчезает целый комплекс значений – от технологии приготовления до сакральной семантики. Следовательно, реконструкция и интерпретация этого кода представляют собой насущную литературоведческую задачу, необходимую для адекватного прочтения якутской классики и понимания механизмов воплощения национальной картины мира в слове.

Л и т е р а т у р а

1. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения. *Вопросы литературы*. 1968;8:74-87.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе [Электронный ресурс]. URL: <https://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf> (дата обращения: 04.12.2025).
3. Ермолаев В.А. Гастрономический код как фактор межкультурной коммуникации. *Вестник КемГУКИ*. 2022;60:98-105.
4. Кулаковской А.Е. Айымньыларын уонна чинчийиилэрин толору таһаарыы = Полное собрание сочинений: тоҕус томнаах / Өксөкүлээх Өлөксөй; [хомуйан онорооччу Л. Р. Кулаковская; эппиэттиир ред. филол. н. д. П. В. Максимова]. Новосибирск: Наука; 2009. Т. 1: Ырыа-хоһоон = Поэтические произведения. 2009:629.
5. Кулаковский А.Е. *Наступление лета*: стихи и проза: избранные сочинения. Москва: Современник; 1986:382.
6. Сивцева-Максимова П.В. Поэмы А.Е. Кулаковского в свете проблем исторической поэтики. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2015;47(3):185-191.
7. Максимова П.В. Поэзия Кулаковского: жанровые особенности. *Илин*. 1998;2-3. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-2/65.htm> (дата обращения: 04.12.2025).
8. Слепцов П.А. Об особенностях языка поэзии А.Е. Кулаковского. *Полное собрание сочинений*. Т. 1. Новосибирск: Наука; 2009:103-104.
9. Сыромятников Г.С. *Идейно-эстетические истоки якутской советской литературы*. Якутск; 1973:71.
10. Кулаковский А.Е. *Научные труды*. Якутск: Якут. кн. изд-во; 1979:483.
11. Сивцева-Максимова П.В. Поэма А.Е. Кулаковского в «Сон шамана»: опыт анализа в аспекте проблем текстологии. *Вестник Северо-Восточного федерального университета*. 2025;22(1):162-174. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-162-174

R e f e r e n c e s

1. Likhachev D.S. The Inner World of a Literary Work. *Voprosy literatury*. 1968;8:74-87 (in Russian).
2. Bakhtin M.M. Forms of Time and Chronotope in the Novel. Retrieved December 4, 2025, from <https://philolog.petsu.ru/filolog/lit/bahhron.pdf> (in Russian).

3. Ermolaev V.A. The Gastronomic Code as a Factor of Intercultural Communication. *Vestnik KemGUKI*. 2022;60:98-105 (in Russian).
4. Kulakovskay A.E. (Öksökülääkh Ölöksöy). Aymnyylaryn uonna chinchiyiilerin toluu tahaaryy = Complete Works: In Nine Volumes. (Vol. 1: Yrya-khohoon = Poeticheskie proizvedeniya [Poetic Works]). Novosibirsk: Nauka; 2009:629 (in Yakut and Russian).
5. Kulakovskiy A.E. The Arrival of Summer: Poetry and Prose. Moscow: Sovremennik; 1986:382 (in Russian).
6. Sivtseva-Maksimova P.V. The Poems of A.E. Kulakovsky in the Light of Problems of Historical Poetics. *Vestnik of the North-Eastern Federal University*. 2015;3(47):185-191 (in Russian).
7. Maksimova P.V. The Poetry of Kulakovsky: Genre Features. Ilin, (2-3). Retrieved December 4, 2025, from <https://ilin-yakutsk.narod.ru/1998-2/65.htm> (in Russian).
8. Slepsov P.A. On the Peculiarities of the Language in A.E. Kulakovsky's Poetry. Complete Works. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka; 2009:103-104 (in Russian).
9. Syromyatnikov G.S. *The Ideological and Aesthetic Origins of Yakut Soviet Literature*. Yakutsk, 1973:71 (in Russian).
10. Kulakovskiy A.E. *Scientific Works*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo; 1979:483 (in Russian).
11. Sivtseva-Maksimova P.V. Kulakovsky's Poem «The Shaman's Dream»: An Analysis of Textual Issues. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2025;22;1:162-174 (in Russian).

Сведения об авторе

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доц. каф. стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

About the author

Sargylana V. IVANOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-3442-359X>, SPIN: 8085-8390, e-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 18.11.25

Поступила после рецензирования / Revised 09.12.25

Принята к публикации / Accepted 22.12.25